

* * *

О, Россия! В дневном напряженье
И среди твоих долгих ночей
Я хочу быть твоим продолженьем,
Как берёза, ромашка, ручей.
Чтобы кто-нибудь в грусти осенней,
Проплывая житейской рекой,
О твоём и своём воскресенье
Помечтал над моею строкой.

КОРНИ

И дух, и дых –
Родня по корню.
Душа, дыша, трепещет в нас,
Переболев, как в детстве корью,
Игрую слов, нарядом фраз.
И потому, чем дали мгlistей,
Чем ближе осень, тем верней
Сквозь шорохи опавших листьев
Мы ловим шёпоты корней.

ПОДСНЕЖНИК

Как улыбка ребёнка
Навстречу глазам материнским,
Словно озера блеск благодарный
Приходу весны,
Он на солнце глядит
Из-под снега осевшего с риском
Потерять свою голову
В грубых сугробах лесных.
С веток падает лёд,
Тёмный паводок буйствует рядом,
Сухостой и валежник
Мы топчем в соседних кустах –
Всё угроза ему,
Всё охрана ему и отрада,
Всюду зелень надежды
Растёт сквозь коричневый страх.
Да, сломай стебелёк –
Нарастут из-под снега другие,
Пропадём все подряд,
Чтобы встать через год, через два...

Ах, Россия моя,
Вся в снегу почернелом Россия,
Мой безмолвный подснежник,
Ты всё же, родная, жива!

АЗ ЕСМЬ!

Когда облечься письменною плотью
Пришёл душе славянской звёздный час,
Ту плоть Кирилл и брат его Мефодий
Определили первой буквой –
Аз.
«Аз есмь!» – мой предок тонкой вывел кистью
Слова Творца, те самые, что Он
Вписал нам в сердце, как венец всех истин,
Как главный над законами Закон.
Летели годы, дни, Россия крепла
На радость Богу – сатане на страх,
То поднимаясь Фениксом из пепла,
То падая опять почти во прах.
Когда же чужеземная зараза
Вползла незримо в русские сердца,
Мы отделили наше «я» от Аза
И первым поместили от конца.
Сегодня мир охвачен общим тленьем.
Но мы всему, что утеряло честь,
С российским нескончаемым терпеньем
Ответствуем уверенно:
– Аз есмь!
Жива души уступчивая сила,
Жива в душе торжественная песнь,
Жива земля, пока жива Россия.
Аз есмь!

МЫ – РОССИЯ

Берёзы и снега,
Озёра и луга,
Приветливое солнце в поднебесье.
На много тысяч вёрст
Под тысячами звёзд
Звенит моя Россия, словно песня.
По ней топтался вор,
Душил её измор,
Сгубить пытались дух её и тело.
Но нас нельзя убить,
Продать или купить,
А также в европейцев переделать.
Мы не грозим войной,
Мы не трясём мошной,
Улыбки и слова у нас не лживы.
Мы даже смертный час
Встречаем без гримас,
Мы верим в то, что вечно будем живы.

Берёзы и снега,
Озёра и луга.
Небесная прохлада и отрада.
Нам не о чем грустить
И нечего просить.
Бог подарил России всё, что надо.

* * *

Всё просим у тебя,
Нам вечно мало
Твоих даров и сладких, и лихих.
Врагам ты позвоночники ломала,
Но и сынов не бережёшь своих.
В твоих очах, загадочных и ясных,
Бездонная, как небо, синева.
В степях твоих, ленивых и опасных,
Нас вечно караулит трын-трава.
Промчится конник, юный и горячий,
И гасит пуля огонёк свечи.
И втопан воск, и сотня дальше скачет...
Куда? Бог весть.
Ведь главное – скачи!
Скачи вперёд до гробовой истомы,
За нею новый бой и шенкеля¹.
Полынные российские просторы,
Безжалостная, нежная земля.

ЧЁРНОЕ И БЕЛОЕ

Обхожу киоск табачный мимо,
Обхожусь без зелья с давних пор.
Но купил сегодня пачку дыма
С памятным названьем «Беломор».
Именно для памятного дела,
Ведь о нём почти не говорят,
Как страна соединить хотела
Белое и Чёрное моря.
Как она, изматывая жилы,
Проливая кровь свою и пот,
Потеснить пыталась мир наживы,
За собой увлечь его в полёт.
Что потом? Потом был дым табачный,
И в киосках наших с неких пор
Вычеркнули белое из пачки,
Всюду поминают только мор.
Но ведь Русь мою не переделать,
И на ней во все века подряд
Чёрное соседствовало с белым.
Был ГУЛАГ, но был и Сталинград.

¹ В кавалерийской посадке: часть ноги ниже колена (икра), прилегающая к бокам лошади; служит для управления задней части туловища последней.

Смотрят, отвернувшись друг от друга,
Две главы у одного орла.
Потому встревожена округа,
Наши непонятны ей дела.
А ещё от Финского залива
До чукотских тундровых полей
Белое в России молчаливо,
Чёрное кричит из всех щелей.

* * *

В деревянном старом доме
Мы ночуем на соломе,
В этом доме домовые
До утра в сенах стучат.
Что-то очень дорогое
И родное сердце ловит
Друг у друга в потонувших
В чёрном омуте очах.
Не спугнуть бы только словом,
Даже вздохом, даже думой
Из глубин души поднявшееся
Чистое тепло.
Много лет назад за Волгой
Или, может быть, под Тулой
Пролилось оно на сердце
И на дно его легло.
Мы его похоронили,
Нам казалось, и надолго
Заросло оно рубцами,
Да, видать, не до конца.
И теперь опять под Тулой
Или, может быть, за Волгой
Всколыхнула души память,
Растревожила сердца.
Нам бы утром да при солнце
Улыбнуться бы друг другу
И запомнить, и запомнить
Полуночные глаза.
До свидания, деревня,
До свиданья, пятый угол,
Там, где теплится лампада
И темнеют образа.

* * *

Не жалей на женщину любви,
Даже если женщина обманет –
Птица перелётная в тумане
Возвратится на круги свои.
Не жалей на Родину любви,
Даже если Родина поранит –
Никогда родная не обманет
Ни дела, ни помыслы твои.

* * *

В сердечной книге не желтеть страницам,
Пока в ней дни без страха шелестят.
Мы любим в пятьдесят сильней, чем в тридцать,
А в семьдесят смелей, чем в шестьдесят.
Повсюду раздаётся: кайся, грешник,
Страх Божий да приидет в жизнь твою!
Но я чем ближе к смерти, тем сердечней
Земную жизнь и всякую люблю.
Страшиться ли загробных адских вихрей,
Когда их здесь немало перенёс?
Я выносил у сердца этот тихий
Цветок любви,
Он очень трудно рос.
Под небом то лихим, то нежно-синим,
В болотах, на песке и на горах –
Цветок любви к измученной России,
Которой никакой не ведом страх.

* * *

Прости меня, время! За жалобы каюсь,
А также за свой антирыночный крен.
Я вместе с народом своим спотыкаюсь
На ямах и лужах дурных перемен.
Мы с Родиной зреем в таких переменах,
Без них не поймёшь ни России, ни нас.
Нужда в лихолетьях заложена в генах,
Так жаждет давленья растущий алмаз.

ЦАРСКОЕ МЕСТО

Нам говорят,
Что Россия не знает, зачем
Верит в царей,
На задворках Европы плутая,
Что за века
Не открыла народных очей.
Это действительно
Русская тайна святая.
Нам непонятен
В нас вложенный Богом заряд,
Также и сила заряда ещё неизвестна.
Мы предназначены царству
По имени «Брат».
Верим, что там
Обретём своё царское место.

ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ

Её боронили за взрывом и плугом,
В неё хоронили, чтоб сделалась пухом.

В ней вслед за металлом хозяйничал ворон,
Когда не хватало ни силы, ни борон.
Удел её грозен, простор её тесен,
В ней даже берёзам тоскливо без песен.
Траве её в Ницце и где-нибудь в Праге
Всегда будут сниться поля да овраги.
То дубом стоишь, то склоняешься ивою,
Страна моя нежная и молчаливая.
Всё есть у тебя, от Чукотки до Сочи,
Забот не хватает сыновних.
И очень.
Умеешь сворачивать хищникам шеи,
А собственных крыс почему-то жалеешь.
Всем роющим норы, и бесу, и вору,
Лишь машешь рукою:
– Хватает простора!..

В ЗАЩИТУ ОБЛОМОВА

Как простодушно верил прошлый век,
Нацеливший на Запад наши дроги:
Всему помеха – некий человек
По имени Обломов на дороге.
Век следующий так его трепал,
Что непонятно, как бедняга выжил.
Но выдержал характер, не пропал
И сделался, пожалуй, чем-то ближе.
Когда сегодня новый Штольц зовёт,
Как на пожар, нас во всеобщий рынок,
Я очень понимаю свой народ,
Не выбросивший старые перины.
Могу в соломе даже спать, как пёс,
С торговыми порядками не споря,
Пусть надо мной сияет море звёзд
И пушкинское снится Лукоморье.

КОНЁК-ГОРБУНОК И МЫ

Подкладывает нам за миной мину
Судьба на перекрёстках всех дорог.
Но нас с коня не так-то просто скинуть:
Конёк волшебный, чудо-горбунок.
И слишком не торопится как будто,
И не догонишь, хоть стремглав скачи.
Мы – странный сплав кнута, горба и бунта,
Свободы и Емели на печи.
Нам русский дух из генов наших вынуть
Советует Европа, но пока
Мы разминируем в пути за миной мину,
Пришпоривая чудо-горбунка.

ЗВЕЗДА

Над Белухой вспыхнула звезда,
Что-то шепчет горным склонам глухо.
Что же ты услышала, Белуха,
Что нас ждёт – надежда иль беда?

Над Белухой вспыхнула звезда,
Ловят свет алтайские озёра,
Что-то здесь случится очень скоро,
Но тиха озёрная вода.

Над Белухой вспыхнула звезда,
Мир подлунный в ожиданье замер,
Смотрят вверх тревожными глазами
Ледники, селенья, города.

Над Белухой вспыхнула звезда.
Сердце, ты одно звезду услышишь,
Мужеством и радостью утишишь
Пламена Последнего Суда.

Над Белухой вспыхнула звезда.

А МЫ МОЛИЛИСЬ ЗА РОССИЮ

По глыбам льда, из-под которых
Катунь рождается на свет,
Мы поднимались молча в гору,
Светлей которой в мире нет.
Был день, как лёд,
Холодный, синий,
Серели тучи, как жнивье,
А мы молились за Россию,
За воскресение её.
Нам мнилось: час великий пробил,
Страна снимается с креста.
О, как стучалась в клетку рёбер
Нахлынувшая красота!
Нам с ней хотелось сердцем слиться,
Взлететь по стенке ледника
И выше, к солнцу, по ресницам
Лучей, пробивших облака.
Но Голос вдруг раздался строгий,
Звучал он как бы изнутри:
– Ещё не выстроились сроки
Стране обещанной Зари.
Ступайте вниз, в своё безлюдье,
Вериги прежние влача.
Да негасимою пребудет
Зажжённая в груди свеча!